

2011/1 (2)

УДК 351.85

Астафьева О.Н.

Содержание

Теоретическая культурология

Межеев В.М.

Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 2)

Пелипенко А.А.

Наброски к манифесту смыслогенетической теории культуры

Историческая культурология

Вишленкова Е.А.

Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Часть 1)

Прикладная культурология

Астафьева О.Н.

Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 4–5)

Быховская И.М.

Спорт: культурологические векторы анализа феномена

Гуманитарные исследования

Жукова О.А.

Духовный опыт и культура разума: религиозно-философская традиция в университетском образовании

Культурная политика:

теоретическое понятие и управленческая деятельность

(Лекции 4–5)

Аннотация. Раскрыты основные принципы современной культурной политики и многообразие ее типов, определяемое совокупностью внешних и внутренних факторов. Анализируя экономические механизмы регулирования сферы культуры, автор показывает возможности и перспективы социокультурного развития России в XXI в. Особое внимание уделено осмыслению отношения государства к культуре в условиях направленности на модернизационные преобразования и инновации, на утверждение принципов децентрализации в управлении, а также – многокультурности (как показателя зрелости общества и его открытости к взаимодействию в условиях глобализации).

Ключевые слова: культура, культурная политика, управление в сфере культуры, культурные потребности, ценности, модернизация, культурология

Лекция 4. Концептуализация культурной политики:

многообразие подходов и решений

При всем разнообразии концепций культурной политики и управленческих стратегий в сфере культуры, закрепленных в национальных законодательствах разных государств, существует еще один уровень культурной политики – надгосударственный, международный. Наиболее наглядно это подтверждается пакетом последних документов ЮНЕСКО, которые связаны с продвижением в мире идей межкультурного диалога, культурного разнообразия, культурной политики как политики для культуры. Этот уровень также просматривается в принятых более сорока лет тому назад документах и решениях разных комиссий ЮНЕСКО, не утратившими своего значения и поныне. Так, в материалах круглого стола в Монако (1967) содержалось базовое определение «культурной политики», которое на долгие годы послужило обоснованием и ориентиром при регулировании социокультурных изменений, происходящих в различных странах мира.

Малая культурологическая энциклопедия

Бондарев А.В.
Эдуард Саркисович Маркарян:
памяти ученого

Шестаков В.П.
Западное барокко в российской
интерпретации

Юбилейные даты

К 90-летию
Георгия Степановича Кнабе

Мошняга П.А.
Корифеи гуманитарной мысли
России

Рецензии

Суханова Т.Н.
Theatrum mundi. Современный
театральный процесс в
пространстве культурологии:
рецензия на книгу:
А.В. Вислова «Русский театр
на сломе эпох. Рубеж XX–XXI
веков» (М.: Университетская
книга, 2009. 288 с.)

Чистякова В.О.
«Тот, который не стрелял»:
рецензия на кинофильмы
«Журавли над Ильменем» и
«Снайпер Саха»
(киностудия «Сахафильм»)

Научная жизнь

Международный научный
конгресс «Польша – Россия.
Трудные вопросы.
Три нарратива: история,
литература, фильм»
(5–7 октября 2010 г., Польша)

К Международному дню дерева

Севан О.Г.
Культура дерева – дерево в
культуре

Севан О.Г.
Уилл Прайс. Параллели.
Деревянная архитектура вчера,
сегодня и везде

Оценивая этот документ с позиций современной России, мы можем еще раз убедиться, что принципы осуществления политики в области культуры, в нем изложенные, не снижали потенции каждой культуры к саморазвитию, что позволяло опираться на него *странам с различными политическими системами, с разным уровнем демократии, наконец, с разной степенью влияния государства на сферу культуры*. Можно утверждать, что данное определение сохраняет универсальный характер в рамках ведомственного подхода, ибо предложение рассматривать политику в сфере культуры как «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры» [1], принималось учеными разных стран, хотя на практике это определение дополнялось и уточнялось, адаптируясь к многообразию моделей культурной политики.

С одной стороны, страны с рыночной экономикой и развитой демократической системой получили сигнал к признанию того факта, что *сложившаяся система управления государством задает концептуальные основания культурной политики*, выполняя функции по совершенствованию законодательно-правовых, организационно-экономических, информационных механизмов. С другой стороны, страны с высоким уровнем этатизма использовали данное положение для реализации своих политико-идеологических концепций. Универсальность понятия «культурная политика» проявлялась в возможности его широкого использования, однако при условии внесения конкретизирующих уточнений. Их суть заключается в следующем: реализация культурной политики предполагает *сумму сознательных и обдуманных действий* (или, как указывалось, «отсутствие действий») *в обществе, направленных «на достижение определенных культурных целей*, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время» [2]. Именно апелляция к населению, обществу создавала возможности для согласования целей разных субъектов в реальных стратегиях культурной политики.

Обратим внимание, что в ряде случаев конкретизация приводила к серьезным расхождениям по стратегическим целям. Так, в двух базовых моделях культурной политики, чаще всего реализуемых в рассматриваемый период, это могла быть ориентация либо на экономические, либо на культурные цели. Согласно «экономической модели», модернизация и экономический прогресс способствуют расширению сети культурных учреждений, развитию индустрии культуры, а новейшие технические средства обслуживают досуг населения. При всей очевидности позитивных тенденций, эксперты давали и негативную оценку этой модели. Технический прогресс способствует культурно-цивилизационному развитию, но может также радикально ухудшать образ жизни людей: «Связи с прошлым порваны, и человек оказывается бездомным в физическом и культурном смысле» [3]. Смысловым ядром подобного рода моделей (модели, базирующиеся на «остаточном принципе финансирования» культуры, модели по переводу отрасли «на принципы самокупаемости» и др.) является игнорирование специфики культуры, давление

«экономического детерминизма». Как показала жизнь, когда экономика признается ведущей сферой, то рано или поздно это приводит к кризисным трендам в духовной культуре.

В настоящее время «экономикоцентристские» модели все чаще подвергаются критике, как не рассматривающие культуру в качестве ресурса общественного развития, игнорирующие ее влияние на макроэкономические показатели, связанные с эффективностью и социальной справедливостью. Выстраивание ценностно-смыслового ряда в экономическом ракурсе не учитывает возможности культуры в повышении уровня именно экономической составляющей производственной деятельности (гибкость в принятии решений, мобильное поведение персонала, открытость к творчеству и инновациям), в развитии социальной ответственности (внедрение моральных принципов, включая принцип взаимодействия, ответственности за судьбу будущих поколений), ее влияния на закрепление нематериальных целей, связанных с качеством жизни [4].

Одной из промежуточных моделей, позволяющих сохранять рыночную конкуренцию и исключаящей прямое вмешательство государства в развитие культуры, но при этом сохраняющей за государством функцию «конструирования», т.е. выстраивания в обществе целей, приоритетов и ориентиров на «минимизацию антиинтеллектуализма», на поддержку инноваций и конструктивный «культурный критицизм», выступает модель «культурного федерализма», которую разрабатывают некоторые зарубежные исследователи [5].

Длительное время в рамках нашего государства сфера культуры существовала и по моделям, ориентированным на *социальное равенство*, что предопределяло круг его прав и обязательств в отношении воспроизводства культуры, развития инфраструктуры сферы культуры и искусства, нормирования и распределения общественных благ и услуг. На практике, при всех позитивных тенденциях, которые, конечно же, имели место, в целом существовала «пропасть» между декларируемыми целями на всестороннее развитие человека и культуры в обществе и реальным финансированием сферы, чтобы эти цели приблизить. По существу, «остаточный принцип» подхода к культуре сохраняется и поныне, несмотря на его резкую критику.

Отказом от экономических моделей культурной политики можно считать тенденцию к развитию иных моделей взаимодействия культуры и экономики, которые и должны стать основаниями стратегии социокультурного развития России на среднесрочную перспективу. Мы имеем в виду группу инновационных моделей, в том числе – «многоканальное финансирование», коммуникативные *модели партнерства и диалога*. Они основаны на принципах общественно-государственного регулирования сферы культуры, на поисках новых форм взаимодействия государства и бизнеса, т.е. на понимании того, что наша страна – это социокультурное пространство, объединенное особыми ценностно-смысловыми параметрами, культурой как источником саморазвития страны в современном мире, сложном и нестабильном.

Дискуссионность проблемы перенесения на сферу культуры тех же

механизмов управления, которые действуют в других областях социальной системы, казалось бы, очевидна. Однако, заметим, что конструктивный прием «равного отношения» также дискуссионный. Он подвергается критике со стороны ученых, экспертов, культурологического сообщества, в то время как управленцы-практики подчас просто вынуждены исключать из сферы своего внимания многие вопросы «философского» характера (подобно проблеме соотносительности правовых механизмов с принципами свободы, лежащими в основании любой культуры, и т.д.) и браться за реформирование ее институциональной системы, часто до конца не осознавая подлинных масштабов и глубины последующих за этими шагами культурных изменений. Более того, управленческий опыт показывает, что рассмотрение культуры только с точки зрения ее «пользы», «вклада» в социально-экономическое развитие (преодоление бедности, эксклюзии и т.д.), в решение разных жизненно важных задач (снижение уровня преступности, наркомании, деструктивных асоциальных проявлений, пьянства и т.д.), а также использование ее в качестве инструмента манипуляции общественным сознанием также не отвечают принципам демократического государства. Особенно это касается сферы высокой культуры, специфика которой в условиях рыночной экономики базируется на трех столпах:

а) локальные статусные группы, сохраняющие относительно устойчивые основания высокой культуры;

б) некоммерческие организации, независимые от действия рыночных сил, поддерживаемые элитой общества и правительством;

в) система высшего образования, обеспечивающая воспроизводство носителей высокой культуры, ее каноны, воспитывающая в студентах уважительное отношение к ее ценностям и образцам [6].

Поэтому предлагаемая некоторыми российскими политиками в переходный период линейно выстроенная последовательность шагов в преодолении кризисного состояния в стране – от экономики к культуре, отношение к проблемам культуры как к второстепенным не соответствуют сложности современного социокультурного пространства, основанного на принципах полилинейности, взаимодействия и взаимозависимости всех его элементов. Как показала практика, выстраивание иерархии приоритетов по старым канонам рано или поздно приведет к новому системному кризису, главным инициатором и «действующим лицом» которого станет уже культура. Каков же выход, если даже иерархическая инверсия – далеко не панацея и, не являясь открытием исключительно сегодняшнего времени, требует исходить из понимания того, что управление сверхсложными системами, основанное на принципах линейности (провозглашение действия рыночных механизмов в экономике – это еще не гарантия свободного социального саморазвития) также является источником кризисных ситуаций?

В отличие от «экономической модели», в альтернативной ей «культурной модели» развития целью и стратегической задачей выступает достижение высокой духовности в обществе, базирующейся на гармонии материальных и духовных интересов, воспроизводстве «человека культуры» (по В.Библеру). Первоосновой этой модели

является культура, поэтому культурная политика «произрастает» благодаря интеграционным процессам в сфере экономической и социальной жизни. Ее цель – сохранить традиции в рамках современности, привлечь население к активному участию в создании новых культурных ценностей, сохранить этнокультурное многообразие отдельных сообществ. Именно такая политика способствует сохранению самобытности народов и представляется большинству культурологов более плодотворной по сравнению с другими [7].

Возвращаясь к понятию «культурная политика» в трактовке, предложенной в международных документах, отметим, что в целом оно получает признание мирового сообщества и постепенно распространяется в разных странах еще и потому, что проведение *идеи о сохранении роли государства в культурной политике*, о выполнении им конкретных видов административной и финансовой деятельности оставляло пространство свободы для реализации целей других субъектов. И это несмотря на то, что такое понимание культурной политики опиралось на зауженный, «ведомственный» подход к культуре как одной из социальных сфер, что в значительной мере отличалось от широкого понятия культуры, прозвучавшего в материалах ЮНЕСКО (Мехико, 1982 г.). Утверждая широкую смысловую трактовку культуры – как совокупности ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу – Декларация открыла путь к эволюции понятия, прежде всего, в рамках принимаемых международных документов. С этого периода начинается переход от традиционного понимания культуры как литературы и искусства к более широкому представлению, которое включает разнообразие образов жизни, системы ценностей, прав человека, патриархальных традиций и религиозного разнообразия. Такое понимание культуры предопределило необходимость поиска новых форм регулирования социокультурного развития, которые бы не противоречили принципам многосубъектности и децентрализации культурной политики.

Важно подчеркнуть, что признание необходимости согласовывать многообразие вариантов прочтения ценностно-смысловых оснований субъектами культурной политики в целостном социокультурном пространстве одного государства становится одной из сложнейших задач культурной политики. Как показывает наша собственная история и мировой опыт, обращение к ресурсам культуры выступает объективно необходимым условием развития демократического государства. Выработка приоритетов и целей культурной политики, согласование интересов множества ее субъектов, которые включены в культурную жизнь страны и имеют различные инструменты воздействия на нее, – сама по себе задача не простая. Согласование не только с идеологией, длительное время детерминировавшей социокультурные процессы и потому сегодня вовсе отрицаемой, но и с внешней политикой, с экономикой. В число факторов, воздействующих на процессы саморазвития культуры в разные периоды ее развития, входят талант и творчество ее деятелей, власть и деньги бизнеса, интересы и потребности населения. Особое место в системе социокультурного регулирования занимает группа субъектов культурной политики,

входящих в систему власти, представленной Президентом Российской Федерации, исполнительной и законодательной ветвями власти. Как правило, в теории культуры и управленческой практике принято собирательное определение – «государство», тождественное понятиям «власть», «правительство». Рассмотрим роль и основные функции государства как субъекта культурной политики.

Лекция 5. Государство как субъект культурной политики

В условиях формирующегося гражданского общества изменение роли государства связывается не столько с отказом от ряда функций, но, прежде всего, с их коррекцией по отношению к деятельности других субъектов. Демократизация не предполагает устранения государства от организационно-управленческой функции координатора социокультурных процессов. Участвуя в формировании пространства культурно-идеологического взаимодействия, государство посредством механизмов управления обеспечивает условия для коммуникации разных субъектов, выдвигающих альтернативные ценности, идеи, концепции. Такое пространство может быть основано только на принципе согласования частных интересов, выраженных через интересы множества индивидов и социальных групп, с общенациональными интересами.

В странах с развитой демократией государство всегда выступало одним из субъектов культурной политики, проводившего прогрессивные принципы культурного разнообразия и культурного плюрализма, свободы творческого самовыражения и саморазвития личности, что позволяло реализовывать культурные права и интересы разных народов в современном мире. Не утратившие своего значения и поныне, эти принципы дополнялись новыми положениями, вытекающими из усложнения и кардинальных изменений, происходящих в культуре в связи с развитием информационных технологий и глобализационными тенденциями. Развитие институтов культуры с целью удовлетворения интересов разных социальных групп, повышение эффективности коммерческого сектора культуры и индустрии культуры в целом, а затем и признание культуры как ресурса и стратегии общественного развития, особенно в связи с необходимостью нового понимания культурного и лингвистического разнообразия в информационном обществе, привели к изменению парадигмы культурной политики в мире [8].

Будущее национальной культуры каждой страны во многом зависит от закрепившегося в обществе отношения к человеку и его возможностей творческого участия в преобразовании социальной среды. Расширительное понимание культуры, важность роли традиций и обновления ценностно-смысловых оснований жизнедеятельности россиян – вот те основания, на которых выстраивается стратегическая концепция культурной политики страны, ориентированная на решение масштабных социокультурных задач, таких как улучшение качества жизни людей, социальная интеграция, упрочение социального согласия, достижение солидарности и межкультурного диалога.

В основе такой стратегии заложена идея соединения усилий всего

общества по *формированию единого культурного пространства и коллективной идентичности россиян*, основанная на комплексном подходе к культуре и предполагающая существенное расширение области культурной политики. Такой подход нацелен на *интегративную, конвенциональную по своей сути стратегию культурной политики государства*, нацеленную на ее согласование с «политиками», проводимыми в других областях, преодоление ведомственных барьеров, на укрепление в процессе регуляции социокультурной жизни взаимодействия всех субъектов – управленческих структур различных уровней власти, государства с бизнес- и общественными организациями. Исходя из этого, стратегия инновационной политики государства в сфере культуры должна быть направлена, прежде всего, на решение следующих задач:

– выравнивание социальной среды при сохранении уникальности и многообразия региональных культур и плюрализма субкультур российского общества;

– продвижение культурной политики на муниципальный уровень, как самый близкий к человеку – создателю и потребителю культуры, на котором должны решаться основные вопросы удовлетворения культурных потребностей.

Понимание того, что сфера культуры нуждается в серьезной поддержке со стороны государства, четко выявляется при анализе результатов социологических опросов. Так, на вопрос «Если Ваше мнение о культурной политике отрицательное, что Вас не устраивает в ней?», который был задан респондентам в 2004 г. 61,4% населения, в качестве главной причины отметили «финансирование культуры». Причем среди молодых людей в возрасте 18–24 лет, которые не жили в условиях социалистической системе, т.е. при патерналистской модели культурной политики, это мнение разделили более 70%. Одна треть респондентов связывает это с тем, как проводятся рыночные реформы. Среди других факторов, вызывающих недовольство проводимой культурной политикой, – отношение к общенациональному и культурному богатству (40,9%) [9].

Возможно, ошибочно было с такой настойчивостью внедрять идеи «экономикоцентризма», причем в качестве мировоззренческой идеологии, формирующей отношение к культуре, последствия которого с трудом преодолеваются и поныне в современной России. Для нашей страны неприемлемо выводить политику и право непосредственно из экономики, хотя для развития тенденции отождествления демократии и рынка в начале 1990-х гг. были определенные основания. В силу особенностей России переход к демократии и рынку совпали по времени. Конечно, как отмечает В.М.Межуев, между демократией и рыночной экономикой существует определенная связь, но не в том смысле, что одно обязательно подразумевает другое. У каждого явления есть основные цели. У рынка, в частности, экономические, в то время как «демократия ставит вопрос не о рынке, а о природе и характере власти, несет с собой определенное решение этого вопроса, основанное, прежде всего, на признании формально-юридического равенства прав человека и свободы личности

в обществе. Демократия – это не просто власть народа (к народу апеллируют и тоталитарные режимы), а власть народа, где каждый лично свободен, не связан с другими отношениями господства и подчинения. Можно сказать, что демократия – это власть лично свободных людей, обладающих равными и конституционно закрепленными за ними правами» [10].

Соответственно, правы исследователи, которые подчеркивают, что подготовить такие изменения, прежде всего, в общественном сознании и культуре, возможно только в долгосрочной перспективе и при условии последовательного проведения политики поддержки перемен в направлении демократизации [11]. Демократия, которая основывается на свободе, предполагает также уважение к свободе других, признание за каждым права на такую свободу, что требует формирования особой политической культуры в обществе. Поэтому, с этой точки зрения, «демократия – прежде всего культурная проблема, которая не решается принадлежностью к определенной партии, словесными уверениями в преданности ей и даже приверженностью курсу экономических реформ. <...> Дефицит демократической культуры – возможно самый большой дефицит, который сегодня испытывает наша страна. Он отчетливо ощутим во всех ветвях власти и на всех ее уровнях (выделено мной. – О.А.)» [12].

Общеизвестно, что социокультурное пространство подлинно демократического государства может быть основано только *на принципе согласования* частных интересов (выраженных через интересы множества индивидов и социальных групп) с общенациональными интересами. Поддерживая креативные идеи, инновационные социальные решения, проявление культурного плюрализма, государство стремится не упускать из вида и то обстоятельство, что *множество разрозненных культурных текстов предполагает наличие особых условий для их сосуществования и не исключает внутренних конфликтов, в равной степени, как и наличие монокультуры не обеспечивает устойчивости социокультурного развития*. Поэтому формы поддержки того или иного культурного проекта или программы, наделенных определенным ценностно-смысловым содержанием, в конечном счете, определяются их направленностью на укрепление целостности государства и национально-культурной идентичности.

Еще в первой трети XX в. известный американский лингвист и культуролог Эдвар Сепир, отмечавший нарастание «сложности» в мире культуры, подчеркивал, что культура со все большей неустойчивостью тяготеет к относительно малым социальным и политическим образованиям, которые не поглощают человеческую индивидуальность, вне которой культура не может существовать. По словам Э.Сепира, движение в этом направлении приведет к полному устранению государства от решений вопросов культуры. «Угодив между интеграцией экономических и политических сил, ведущей к некоему мировому суверенитету, и дезинтеграцией наших нынешних громоздких культурных единиц в малые единицы, жизнь которых исполнена подлинной животворящей силы и индивидуальности, идол современного государства, с его неограниченным суверенитетом, в туманном будущем исчезнет прочь» [13]. Конечно, ученый исходил,

прежде всего, из того, что государства слишком велики, чтобы обеспечить безопасность каждому человеку, но также велики и для плодотворного обогащения сферы отдаленных целей, для культуры. Но можно ли согласиться с подобной позицией как безоговорочно правильной и единственно верной применительно к современным условиям?

В определенной степени Э.Сепир прав, ибо его утверждения основаны на признании свободы творчества и самовыражения каждого человека в культуре. Однако, признание факта многосубъектности культурной политики актуализирует множество новых проблем. Где, как и когда могут пересекаться интересы государства как «большого социального стратега», общества, состоящего из множества социальных групп, субкультур, малых социальных групп и других носителей собственной стратегии, помноженной на несовпадение (непонимание, непризнание) индивидуализированных проектов? Вокруг каких точек может быть сконцентрировано внимание и общие усилия, чтобы различия выполняли не функцию разъединения, а функцию объединения людей в сложный организм, идентифицирующий себя с частью единого социокультурного пространства?

Прежде всего, обозначим нашу исходную позицию: *социальное государство несет ответственность за возможности реализации каждым человеком прав в культуре и государство берет на себя обязательства за формирование культурного пространства*. Из этого следует, что проведение определенной культурной политики и совершенствование механизмов ее реализации во многом зависит от ориентиров, задаваемых государством как субъектом культурной политики, от выбора им ролевой модели. Концепции и модели не закреплены «раз и навсегда», они весьма подвижны, хотя собственно и само «государство конституируется под “бесконечную”, то есть самовоспроизводящуюся программу, как бы гарантируя тем самым бесконечную (“до окончания времен”) жизнь государственно оформленному обществу» [14]. Это не мешает государству, будучи «социальным институтом больших проектов», для реализации определенной программы использовать различные механизмы, выступая по отношению к культуре, скажем, в роли «архитектора», «инженера» и т.д. Однако, когда культурная политика осуществляется в подобных «руководящих» моделях, система управления организует и контролирует все этапы культурных процессов, государственной собственностью становятся все учреждения культуры, а распределение ресурсов принимается политическими властями. Такая модель неприемлема для демократических обществ.

Но государство может выстраивать свою культурную политику по иным моделям – «мецената», «помощника», наконец, «менеджера» [15], что позволяет создавать условия для инициирования процессов самоорганизации в культуре и обществе.

Как отмечает Э.Тоффлер, власть «должна быть достаточной для обеспечения защиты от реальной (не воображаемой) внешней угрозы, а также для минимума внутреннего порядка и добрых отношений. Такой уровень порядка необходим обществу и потому морально

оправдан» [16]. И в этом смысле взаимоотношения государства и культуры во многом зависят от избранной им стратегии национальной культурной политики. Скажем, поддерживая тенденции укрепления регионального разнообразия в культуре (языковые и этнические различия), свойственные отдельным территориям, но, допуская наличие явных экономических диспропорций, которые способны послужить источником напряженности, федеральная власть не может положиться только на механизмы самоорганизации, поскольку проблемы, рождающиеся «на стыке», требуют профессиональных управленческих решений. В этом смысле прав Ф. Фукуяма, который говорил о том, что «способность создавать и эффективно управлять определенными институтами сама по себе является культурным феноменом» [17]. Демократическое государство, проводящее собственную культурную политику, – один из таких социокультурных феноменов.

В отношении государственной культурной политики России в научных и политических дискурсах присутствует широкий спектр интерпретаций, замыкаемый полярными оценками. С одной стороны, распространено представление о ней как о стратегии позитивного преобразования всей системы социокультурных взаимодействий в условиях глобализации и перехода к информационному обществу. С другой стороны, трактовка культурной политики как инструмента регулирования социокультурных процессов разного уровня (от глобального до локального) подвергается критике за существующий разрыв между теоретическими декларациями и реальным состоянием культуры в обществе, ресурсными возможностями удовлетворения культурных потребностей населения страны. Такая противоречивая оценка ситуации – результат *несогласованности различных уровней культурной политики и различного масштабирования проблем* на государственном уровне. Попытаемся выделить основные «проблемные узлы», характеризующие государственную культурную политику, и наметить основные принципы, без учета которых перспективы модернизации в России ограничены.

К началу XXI в. острая необходимость сохранения и укрепления единого (целостного) социокультурного пространства страны, усиление влияния глобализационных тенденций высветили очевидность факта, что эффективность социально-экономических изменений (будь то в мировых масштабах или в рамках одного государства) во многом зависит от признания обществом особой роли культуры в динамике социальных процессов, в конечном счете – от выбора модели государственной (национальной) культурной политики. Как показал переходный период, ценностно-смысловые основания и социокультурные параметры, роль и функции государства в сфере культуры (отношение к культуре либо как к «надстройке», «излишеству» или, напротив, как «ресурсу общественного развития») влияют на результаты реформирования социальной системы.

В настоящее время идея прорыва в будущее через культуру уже не рассматривается в России как абстрактная «культурологема». Но будем откровенны, данная идея пока еще не оценивается как неотъемлемое условие для скорейшего продвижения к гражданскому обществу. Тем не менее, проведение административных реформ, направленных на децентрализацию власти, способствовало формированию многосубъектности культурной политики в России, закреплению в ее

концепциях демократических идей.

Участвуя в становлении пространства культурно-идеологического взаимодействия, государство использует разные каналы, обеспечивая условия для коммуникации социальных субъектов, выдвигающих альтернативные ценности, идеи, концепции. Каналы коммуникации формируют медиапространство культуры, которое по ряду характеристик может быть признано либо демократическим полем для проведения политики «комплексного культурного диалога» со свободным публичным обсуждением права на собственную идентичность, либо использоваться для выстраивания «жесткой» групповой идентичности, преодолевая ради укрепления групповой солидарности какие бы то ни было культурные, этнические и расовые различия [18].

Таким образом, серьезной проблемой при стратегическом управлении выступает отсутствие упорядоченной системы коммуникаций. С одной стороны, казалось бы, технологии управленческих решений, включающие несколько обязательных этапов – от выбора цели (или ценностного целеполагания) через проектирование, принятие и согласование интересов, учета общеполитических и социальных тенденций до реализации государственно-управленческих решений (государственных политик) столь рациональна, что ее ничто не может поколебать. С другой стороны, если государственную культурную политику рассматривать исключительно в управленческом измерении, то концептуализация идей культуры в российском обществе и выбор целей социокультурного развития – это не локальная задача, лежащая «в границах» интересов какого-либо одного ведомства, поскольку выходит за рамки одной сферы.

Смещение и рассогласование в системе взаимодействий, сложившейся между политикой и культурой, культурой и экономикой, экономикой и политикой, приводит к неизбежности конфликтных ситуаций в обществе. При этом возрастание роли государства не должно выливаться в прямое управление ни культурой, ни экономикой, ведь «если и избыточная и недостаточная власть равно приводят к ужасным социальным последствиям, то какая степень концентрации власти чрезмерна? Имеется ли моральная основа для суждения?», – задается вопросами Э.Тоффлер [19]. В своем ответе известный американский исследователь достаточно категоричен: моральная основа для суждения прямо связана с различием между «общественно необходимым порядком» (эту область мы бы определили как сферу национальной безопасности) и «прибавочным порядком» (в нашей системе рассуждений – это национальная культурная безопасность). Соответственно, власти должно быть достаточно, чтобы обеспечить защиту от реальной (не воображаемой) внешней угрозы, но она также необходима и для внутреннего порядка и добрых отношений. Принципиально важно подчеркнуть, что Э.Тоффлер ведет речь о минимуме управления, т.е. о таком уровне порядка, который необходим обществу и потому морально оправдан [20]. Фактически, речь идет о возможности проявления свободы в определенной политической или экономической ситуации.

К примеру, Б.Фрей, рассматривая взаимодействие экономики и

искусства, задается вопросом: «Провалы рынка – вред, наносимый государством, или нечто большее?». Отвечая на него, исследователь не отрицает важной роли государственной политики. При этом он показывает, как меняются принципы взаимодействия экономики и искусства в разных типах государства – децентрализованном или централизованном, в демократическом или авторитарном государстве. По его мнению, правительство, опирающееся на концепцию стимулирующего влияния, обеспечивает творческую свободу, в то время как в авторитарном государстве культурная политика характеризуется меньшим числом способов поддержки и продвижения разнообразия в сфере культуры, что, однако, не исключает большего разброса в качестве продукции и услуг [21].

Концепция *стимулирующего влияния* государства способствует появлению инновационных проектов и программ. Не случайно, среди стратегических целей культурной политики – создание условий как для сохранения традиций, так и для инновационного социокультурного развития, достижение динамического равновесия между изменчивостью и устойчивостью структурных компонентов культуры. В условиях усложнения комплекса трансграничных взаимодействий различных уровней, интенсификации контактов между культурами и социальными формациями в области экономики, политики, культуры в рамках прежних концепций культурной политики не остается пространства для поддержки инициатив, проектов и программ, направленных на развитие межкультурного и межконфессионального диалога, формирование позитивного образа России в мире.

На наш взгляд, государство, рынок и гражданское общество являются субъектами регулирования социокультурных процессов, каждый из которых вносит свою лепту в построение демократического государства. Преодолению существующих «перекосов» во взаимодействии их институтов может способствовать культура. Будучи мощным интеграционным механизмом, культура составляет ядро национальной идентичности, целостность которой может быть достигнута лишь в условиях согласия, социального партнерства, толерантности. Этими принципами должны определяться цели и задачи культурной политики, направленные на формирование единого социокультурного пространства в России, достижение ее гражданами социального и экономического благополучия.

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Cultural policy: preliminary study. Paris, 1969. P. 5.

[2] Ibid. P. 7.

[3] Cultural policies: from model to market // Cultures. 1983. Vol. 9. № 1. P. 125.

[4] См.: Тросби Д. Роль культуры в экономическом развитии // Государственная службы за рубежом: управление культурой: реф. бюл. М., 2004. № 5 (55). С. 40–41.

- [5] См.: *Kammen M.* Culture and the state in America // The politics of culture: policy perspectives for individuals, institutions and communities. N.Y., 2000. P. 135.
- [6] См.: *DiMaggio P.* Social structure, institutions, and cultural goods: the case of the United States // The politics of culture... P. 54.
- [7] Cultural policies... P. 123–134.
- [8] См.: World conference on cultural policies. Mexico City, 26 July–6 August, 1982. Final report (UNESCO, 1982); Intergovernmental conference of cultural policies for development (Stockholm, 30 March – 2 April, 1998). The power of culture: background paper, 1998.
- [9] См.: Духовная культура российского общества: состояние и тенденции формирования: результаты выбороч. социол.о опроса населения Российской Федерации // Социологический центр РАГС. URL: <http://www.rags.ru/node/536/> (дата обращения: 15.02.2011).
- [10] *Межуев В.М.* О демократии на достаточном основании // *Межуев В.М.* Между прошлым и будущим. М., 1996. С. 109–110.
- [11] См.: *Даль Р.* Демократия и ее критики. М., 2003. С. 481.
- [12] Там же. С. 126.
- [13] *Сепир Э.* Культура подлинная и мнимая // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. М., 2001. С. 491.
- [14] *Никитаев В.* Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. 2004. № 2 (42). С. 98–99.
- [15] См.: *Маршалл М.* Международные модели и тенденции финансирования культуры // Государственная служба за рубежом... С. 70–71.
- [16] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в.: пер. с англ. М., 2009. С. 577.
- [17] См.: *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М., 2004. С. 32.
- [18] См.: *Бенхабиб С.* Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 89–91.
- [19] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти... С. 577.
- [20] Там же.
- [21] См.: *Фрей Б.* Государственная поддержка и креативность в искусстве: новые соображения // Экономика современной культуры и творчество: сб. ст.: пер. с англ. М., 2006. С. 399–412.

По материалам издания: *Астафьева О.Н.* Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность: лекции.

М.: Изд-во РАГС, 2010. 69 с.

© Астафьева О.Н., 2011

Статья поступила в редакцию 15 июня 2010 г.

Астафьева Ольга Николаевна,
доктор философских наук, профессор,
заместитель заведующего по научной работе
кафедры культурологии и деловых коммуникаций
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
заведующая Сектором стратегий социокультурной политики
Российского института культурологии (Москва)
e-mail: onastafieva@mail.ru

UDC 351.85

Astafieva O.

**Cultural Policy: Theoretical Notion
and Managerial Activity (Lectures 4–5)**

Abstract. The author considers basic principles of contemporary cultural policies and their typological diversity, which is determined by combination of external and internal factors. The author reveals opportunities and prospects of socio-cultural development of Russia in the 21st century via analysing economic mechanisms of regulating the cultural field. The special attention is given to conceptualising the attitudes of the State towards culture in the situation of modernising transformations and innovation, support to decentralisation principles in governance and multiculturalism the latter being an indicator of maturity of the society and its openness to interactions within the globalising world.

Key words: culture, cultural policy, cultural governance, cultural needs, cultural values, modernisation, cultural research

Astafieva Olga Nikolaevna,
Doctor in Philosophy, Professor,
Head of the Department for Strategies of Sociocultural Policies,
Russian Institute for Cultural Research,
Vice-Head for Research of the Department for Cultural Research and Business
Communications,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow)
e-mail: onastafieva@mail.ru